

**Посол и сатана:
Уильям К. Буллит в булгаковской Москве**
Александр Эткинд

Excerpt from the book *Эрос невозможного. История психоанализа в России* (1993) or *Eros is impossible. History of psychoanalysis in Russia*. In Chapter 9, *Ambassador and Satan: William K. Bullitt in Bulgakov Moscow*, author Alexander Etkind argues that the American ambassador William K. Bullitt was the prototype of Woland in *The Master and Margarita*.

From the archives of the website
The Master and Margarita

<http://www.masterandmargarita.eu>

Webmaster

Jan Vanhellemont
Klein Begijnhof 6
B-3000 Leuven
+3216583866
+32475260793

АЛЕКСАНДР ЭТКИНД

ЭРОС НЕВОЗМОЖНОГО
ИСТОРИЯ ПСИХОАНАЛИЗА В РОССИИ

МЕДУЗА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (1993)

Глава IX. Посол и сатана: Уильям К. Буллит в булгаковской Москве

Посол США в России (1933—1936) и Франции (1936—1941) Уильям Буллит одно время состоял пациентом Фрейда, а позднее организовал его выезд из оккупированной Вены. Психоаналитикам Буллит известен также тем, что сумел добиться от Фрейда соавторства в написанной в основном им, Буллитом, биографии президента США Т. В. Вильсона (1). Дипломатам он известен как человек, игравший ключевую роль во внешней политике США перед Второй мировой войной. Узкому кругу историков-славистов его фамилия знакома еще в связи с тем, что он поддерживал какие-то отношения со знаменитым писателем Михаилом Булгаковым. О Буллите известно многое. Но о гораздо большем приходится догадываться.

От Вильсона и Ленина к Рузвельту и Фрейду

Принадлежащий к филадельфийской семье из тех, которые в Америке называют аристократическими (его предки по отцу были французскими гугенотами, по матери — польскими евреями, но не те и другие были среди первых поселенцев на Восточном берегу), Билл Буллит учился в Йейле и Гарварде. Потом был военным корреспондентом, путешествовал по Европе, с 1917 работал в Госдепартаменте в президентство Т. Вуд-ро Вильсона. Своеобразие его биографии ведет отсчет из России. В апреле 1919 года Буллит, участник версальских мирных переговоров, определивших печальное будущее Европы между двумя мировыми войнами, был направлен Вильсоном в Россию в качестве главы полуофициальной миссии. То, что происходило в Кремле, показалось Буллиту не менее важным, чем то, что происходило в Версале.

Ленин предлагал американской делегации, состоявшей из одного дипломата с двухлетним стажем, одного журналиста и одного военного разведчика, следующее. Советская Россия готова отказаться*от контроля над 16 принадлежавшими царской империи территориями, в число которых войдут не только Польша, Румыния и Финляндия, но и все три балтийские республики вместе с половиной Украины и западной Белоруссией, весь Кавказ и Крым, весь Урал и Сибирь с Мурманском впридачу. „Ленин предлагал ограничить коммунистическое правление Москвой и небольшой прилегавшей к ней территорией, плюс город, известный теперь как Ленинград". Не совсем ясно, что Ленин просил взамен; видимо, допуска к Версальским переговорам и признания нового правительства России ее бывшими союзниками. Буллит был в восторге от Ленина: „подумать только, если бы я имел такого отца, как он!". Отца, однако, он найдет позже. А тогда Ленин тоже тепло отнесся к американцу, называл его своим другом.

Личность и намерения коммунистического правителя России так поразили Буллита, что по возвращении в Париж он попытался сделать все, чтобы обратить на них внимание Вильсон?.

Тот, однако, был известен своим „одноколейным мышлением“. Вильсон был более всего озабочен англо-французскими требованиями репараций и оставил русские предложения без рассмотрения.

Президента, настроенного резко антикоммунистически, раздражали всякие признаки интереса к русскому эксперименту со стороны американцев. Первым и на десятилетия главным таким признаком стала книга Джона Рида „Десять дней, которые потрясли мир¹¹“. Журналист вскоре после революции, которую он прославил, умер от тифа в московской больнице на руках у сопровождавшей его Луизы Брайант. Через несколько лет Луиза стала женой Уильяма Буллита. Эта преемственность дала повод подозревать Буллита в левых симпатиях.

В знак протеста против игнорирования привезенной им дипломатической информации Буллит ушел в отставку, направив Президенту резкое письмо. Длинный список адресованных ему обвинений начинался с того, что „Россия, которая для нас обоих была лакмусовой бумагой доброй воли, даже не была понята“. По высказанному здесь убеждению Буллита, в результате игнорирования Соединенными Штатами России и слишком тесного взаимопонимания с Францией условия Версальского мира окажутся несправедливыми. Германия будет подвергнута ненужному унижению, а Лига наций станет беспомощной в предотвращении будущей войны.

В отставку Буллит стал редактором голливудской студии „Paramount Pictures“ (возможно, именно он связал с ней Эйзенштейна, который работал в Голливуде в 1929 г.), подолгу жил в Европе. Он дружит со Скоттом Фицджеральдом, встречается в Париже с Хемингуэем. Сбежавшие от скучных дел в своей стране и более всего от сухого закона в „Праздник, который всегда с тобой“, американцы вели веселую жизнь в дешевой послевоенной Европе. От этой жизни остались знаменитые романы („Ночь нежна“ Фицджеральда более всего подходит к нашему случаю) и заурядные истории болезни. У Луизы Брайант развивается алкоголизм. В 1926 году выходит собственный роман Буллита „Это не сделано“. Дело происходит в родной Филадельфии; молодой герой борется с косными привычками своей среды, вопреки всему женится на любимой женщине и под конец должен спасти сына от ареста по подозрению в коммунистической деятельности... Роман особого успеха, похоже, не имел. Но тут жизнь Буллита делает новый невероятный поворот, который привел в конце концов к книге, вписавшей его имя в историю.

С 1925 года Буллит в анализе у Зигмунда Фрейда. Нам неизвестна причина, по которой поехал в Вену этот блестящий светский человек. Возможно, такой причиной был алкоголизм жены. Другу он рассказывал, что, будучи отличным наездником, однажды чуть не упал с лошади и понял, что им владеет бессознательное желание самоубийства. О ходе анализа известно, к сожалению, мало. Постепенно, как это бывало у Фрейда, пациент превратился в ученика и младшего друга.

В течение десяти с лишним лет Буллит регулярно ездил в Вену и обсуждал с Фрейдом разные проблемы, личные и политические, В конце 1930 года больной Фрейд писал Цвейгу в ответ на очередное предложение написать книгу о Ницше и воле к власти: „Я не могу написать желтую книгу, которую Вы от меня хотите. Я слишком мало знаю о влечении людей к власти, потому что я прожил свою жизнь как теоретик... На самом деле я бы не хотел писать больше ничего, и все же я снова пишу Предисловие к чему-то такому, что сделано кем-то другим. Я не должен говорить, что это. И Вы никогда об этом не догадаетесь“. Это было предисловие к книге „Томас Вудро Вильсон. Американский президент. Психологическое исследование“, которую Буллит в конце концов опубликовал за двумя подписями, Фрейда и своей собственной; подпись Фрейда была, естественно, первой.

Фрейд работал в соавторстве крайне редко, а в зрелые годы почти никогда. В равной мере, это едва ли не единственное исследование Фрейда, посвященное политическому деятелю. Историки и психоаналитики до сих пор спорят как о качестве этой работы, так и о мере участия в ней Фрейда.

По словам самого Буллита, в 1930 году он посетил Фрейда в Берлине; тот был болен, мрачен и говорил, что не проживет долго, что смерть его всем будет безразлична, потому что он уже написал все, что хотел, и его мозг пуст. Буллит рассказал Фрейду о замысле своей книги, в которой он хотел поместить свои штудии о Клемансо, Орландо, Ллойд Джордже, Ленине и Вильсоне. Фрейд поразил Буллита предложением писать главу о Вильсоне вместе. „Он стал интересоваться Вильсоном, как только узнал, что они оба родились в 1856 году". Глава разрослась в книгу, которая была закончена в первом варианте в 1932 году, а потом несколько раз дорабатывалась. Окончательный текст был согласован и подписан (каждая глава обоими авторами) в 1938 году, но не мог выйти в свет при жизни вдовы Вильсона.

Из самой книги и истории ее написания ясно, что Буллит, хоть и не был профессионалом-психоаналитиком, разделял аналитические и в достаточной степени понимал философские взгляды Фрейда, чтобы быть готовым к диалогу с ним. „Он был евреем, который пришел к агностицизму. Я всегда был верующим христианином. Мы часто не соглашались друг с другом, но никогда не ссорились", — писал Буллит в своем предисловии к книге. Политические же их пристрастия в сложнейший период между двумя войнами сходились практически полностью. Фрейд и Буллит писали, в частности, что „отказ Вильсона сосредоточить свое одноколейное мышление« на России в конце концов оказался самым важным решением, принятым им в Париже". Безусловно, в течение многих лет Буллит был для Фрейда одним из самых авторитетных, если не основным, источником информации о том, что происходит в России. В 1933 году, после выборов нового Президента, Буллит вошел в администрацию Рузвельта и очень скоро был направлен послом в СССР. Дж. Кеннан, один из известнейших американских дипломатов, бывший в те годы сотрудником Буллита, вспоминал о нем так: „Мы гордились им, и у нас никогда не было повода стыдиться за него... Буллит, каким мы знали его в Москве, был очаровательным, блестящим, хорошо образованным, наделенным фантазией светским человеком, который в интеллектуальном плане мог быть на равных с кем угодно. Он решительно отказывался разрешить жизни вокруг него выродиться в скуку и тупость. Все мы, жившие в его окружении, выигрывали от блеска его духа, от его стойкой уверенности, что жизнь при любых обстоятельствах является одухотворенной, интересной и движется вперед". Жизнь Посольства в те годы Кеннан характеризовал как „одинокий бастион американской жизни в океане советской злой воли".

Близко знавший Буллита Г. А. Уоллес, впоследствии вице-президент США, в своих неопубликованных воспоминаниях, хранящихся в Архиве устной истории Колумбийского университета, характеризовал его как „необыкновенно притягательную личность". Согласно характеристике Уоллеса, это был человек, который невероятно много путешествовал по свету, знал толк в изысканных развлечениях и остроумной беседе и вместе с тем отличался глубокими убеждениями и редкой откровенностью. „Он имел огромный запас разных анекдотических историй... о его контактах с многими знаменитыми людьми за границей". Американский финансист Дж. П. Варбург устраивал вместе с Буллитом в 1933 году экономическую конференцию в Европе. Его впечатления были таковы: „Буллит настоящий озорник; он любит ставить сцены, в которых выражает негодование, равное которому я редко видел, и выходит из них, заливаясь хохотом... Его совершенно не беспокоит успех конференции; его вообще не беспокоит ничто экономическое. Он один из тех забавных людей, которых драма интересует больше, чем результат". Вместе с тем Варбург поддерживал тогда кандидатуру Буллита, потому что это был „единственный человек на горизонте, который а) досконально знал Европу, и б) действительно имел талант вести переговоры". Еще Варбург

характеризовал Буллита так: „это был maverick во всех смыслах слова". По словарю, это редкое слово употребляется в значениях „бродяга", „диссидент" и „чудак-одиночка". Советский историк оценивает Буллита как „необычную фигуру в среде дипломатов... Человек крайностей, довольно легко меняющий взгляды, амбициозный и подозрительный". Современная, очень трезвая американская биография Буллита начинается так: „это был человек тайны и парадокса".

Бал Сатаны в Спасо-хаусе: три литературных версии

23 апреля 1935 года в Спасо-хаусе, великолепном особняке на Арбате, в котором и сейчас находится личная резиденция американского посла, состоялся прием. На нем было 500 приглашенных — „все, кто имел значение в Москве, кроме Сталина".

Американцы честно развлекались и пытались развлечь гостей. Тем было трудно. Большевики-интеллектуалы (тут были Бухарин, Бубнов, Радек) последние, месяцы держались у власти. Высшее армейское командование (Тухачевский, Егоров, Буденный) уже стало заложником двойной игры советской и немецкой разведок. Театральная элита (Мейерхольд, Таиров, Немирович-Данченко, Булгаков) в любой момент ждала беспричинной расправы — для одних быстрой, для других мучительно долгой.

Гости собрались в полночь. Танцевали в зале с колоннами, с хор светили разноцветные прожектора. За сеткой порхали птицы. В углах столовой были выгоны с козлятами, овцами и медвежатами. По стенам — клетки с петухами, В три часа утра петухи запели. Стиль рюсс, насмешливо закончила описание этого приема в своем дневнике жена Михаила Булгакова. Ее внимание было обращено более всего на костюмы. Все, кроме военных, были во фраках. У Булгакова фрака не было, и он пришел в черном костюме; его жена — в „исчерна-синем" вечернем платье с бледно-розовыми цветами. Выделялись одеждой большевики: Бухарин был в старомодном сюртуке, Радек в туристском костюме, Бубнов в защитной форме. Был на балу и известный в дипломатической Москве стукач, „наше домашнее ГПУ", как звала его жена Бубнова, некий барон Штейгер; конечно, во фраке. Дирижер был в особо длинном фраке, до пят.

Если судить по ее записи, в самом деле — забавно, но ничего особенного. Есть, однако, в истории этого приема, как ее воспринимала Елена Сергеевна Булгакова, загадка: под впечатлением от него ее муж написал якобы новый вариант 23-й главы своего романа, известной под названием „Великий Бал у Сатаны". Тот самый вариант, который и вошел в окончательный текст „Мастера и Маргариты", самого читаемого в России романа XX века. Жена писателя говорила о том, что сцена Бала была написана ,в этом своем окончательном виде позже, во время смертельной болезни Булгакова, и в ней „отразился прием у У. К. Буллита, американского посла в СССР". Она признавалась, что ей „страшно нравился" другой, прежний вариант, который она называла „малым балом" и в котором дело происходило в спальне Воланда, то есть в комнате Степы Лиходеева. Елена Сергеевна до такой степени настаивала на том, что „малый бал" лучше „большого", что больному Булгакову во избежание, как выразилась Елена Сергеевна, „случайности, ошибки" пришлось уничтожить старый вариант, когда жена вышла из дома.

В посольстве этот „party", названный „Фестивалем весны", был заметным событием. Посол Буллит писал Президенту Рузвельту 1 мая 1935 года: „это был чрезвычайно удачный прием, весьма достойный и в то же время веселый... Безусловно, это был лучший прием в Москве со времени Революции. Мы достали тысячу тюльпанов в Хельсинки, заставили до времени распуснуться множество березок и устроили в одном конце столовой подобие колхоза с

крестьянами, играющими на аккордеоне, танцовщиками и всяческими детскими штуками (baby things) — птицами, козлятами и парой маленьких медвежат".

Устройству „колхоза" в буфетной Спасо-хауза предшествовала серьезная подготовка. Посол был любителем необычных развлечений, и Посольство даже называлось в дипломатической Москве „Цирком Билла Буллита". По прибытии Буллит, однако, не обнаружил в развлечениях здешнего дипломатического корпуса „ничего более живого, чем тенор". Согласно инструкциям, оставленным Послом, бал должен был „превзойти все, что видела Москва до или после Революции". „The sky's the limit", напутствовал он подчиненных, уезжая на зиму 1934—1935 г. в Вашингтон. За подготовку приема, который был приурочен к его прибытию, отвечали Чарльз Тейсер, один из секретарей посольства, и Ирена Узили, жена советника. Платил за все сам Посол.

У Тейсера был уже трудный опыт американских развлечений в московских условиях: на предыдущем приеме участвовал Дуров со своими тюленями, исправно жонглировавшими до тех пор, пока Дуров не напился; зато после этого тюлени устроили купание в салатнице...

Теперь животные были взяты напрокат из Московского зоопарка. Тейсер стал предусмотрительнее и, не доверяя советским дрессировщикам, сам выяснил, что овец и коз нельзя поместить в буфетную — как ни мыли их в зоопарке, они все равно воняли. Наименее пахучими оказались горные козлы, которые и участвовали в бале. Потрудиться пришлось и с тюльпанами, которые после долгих поисков по всему Союзу доставили из Финляндии. Были наняты чешский джаз-бэнд, бывший тогда в Москве, и цыганский оркестр с танцовщиками. Когда гости прибыли, свет в зале погас и на высоком потолке зажглись звезды и луна (проектором занимался „директор Камерного театра" — может быть, Таиров?). Под покрывалом в клетках сидели 12 петухов. Когда по команде Тейсера покрывало откинули, запел только один из них, но зато громко; другой же вылетел и приземлился в блюдо утиного паштета, доставленного из Страсбурга.

Основывая Посольство в Москве, Буллит набрал туда одних холостяков, чтобы избежать излишней открытости, которую привнесли бы жены дипломатов. Вскоре, однако, „романтические привязанности и последующие за этим осложнения, свойственные холостякам, привели к утечкам информации, значительно превосходящим все, что могли произвести жены. Сегодня политика рекрутирования кадров в Посольство в Москве прямо противоположная — предпочительно без холостяков".

Бал закончился в 9 утра лезгинкой, которую Тухачевский исполнил с Лелей Лепешинской, знаменитой балериной Большого театра и частой гостьей Билла Буллита. Посол жил в Москве со своей дочерью Анной; Луиза Брайант оставалась в Америке. Длительная связь соединяла Буллита с личной секретаршей Ф. Рузвельта. Однажды та прибыла в Москву и застала Посла с той же Лелей Лепешинской. В посольстве не сомневались в том, что балерина, имевшая большие связи в верхах, сотрудничает с НКВД,

Несмотря на романтическую атмосферу, свойственную собранию американских холостяков в московских условиях, самое большое впечатление на хозяев произвели все же русские медведи. Книга воспоминаний Тейсера так и называется: „Медведи в икре".

Безо всякого Дурова русские звери и советские люди поставили поэтическую мизансцену, символизм которой американцы при всем знании местных реалий не смогли оценить по достоинству. Известный своим остроумием Радек обнаружил медвежонка, лежавшего на спине с бутылкой молока в лапах, и надел медвежачью соску на бутылку с шампанским. Медвежонок сделал несколько глотков СопЗоп Кои[^]е, прежде чем обнаружил подмену. Злокозненный Радек тем временем исчез, а случившийся поблизости маршал Егоров взял на

руки плачущего мишку, чтобы его успокоить. Пока маршал качал медвежонка, того обильно вырвало на его орденосный мундир. Тейер прибыл к месту происшествия. Полдюжины официантов суетились вокруг маршала, пытаясь очистить его мундир, а тот орал: „Передайте вашему послу, что советские генералы не привыкли, чтобы с ними обращались, как с клоунами“.

На фоне этих замечательных подробностей, достойных пера как сатирика, так и историографа, описание бала в Посольстве у Е. С. Булгаковой выглядит довольно бедно. Что же касается Бала Сатаны в „Мастере и Маргарите“, то он и вовсе кажется не имеющим отношения к американскому „Фестивалю весны“, задуманному скорее в стиле „Великого Гетсби“ Ф. Скотта Фицджеральда.

Для москвичей, однако, роскошный бал, на котором жертвы развлекались вместе с палачами, причем почти всем гостям в считанные месяцы предстояло погибнуть на глазах у изумленных хозяев, приобретал совсем иное звучание. Когда Булгаков писал эту сцену, он был, вероятно, одним из немногих уцелевших участников того приема, который американцы искренне считали „лучшим в Москве после Революции“. И все же не снимающий очки Абадонна, а нагая и прекрасная Маргарита оказалась главной фигурой булгаковского Бала.

Стоит перечитать эту главу романа, чтобы убедиться в неожиданном для современного читателя факте — не политические намеки, не скорбь по погибшим и не желание мести доминируют в Великом Бале у Сатаны. Из присутствовавших там „королей, герцогов, кавалеров, самоубийц, отравительниц, висельников и сводниц, тюремщиков и шулеров, палачей, доносчиков, изменников, безумцев, сыщиков, растлителей“ писатель показывает нам исключительно одну категорию, которую на менее поэтическом языке можно было бы описать как лиц, совершивших преступления на сексуальной почве. Некий Жак, отравивший королевскую любовницу, и „обратный случай“ — любовник королевы, отравивший свою жену; русская помещица, любившая жечь горничной лицо шипцами для завивки, и неаполитанка, помогшая пятистам соотечественницам избавиться от надоевших им мужей; Фрида, изнасилованная хозяином и задушившая своего ребенка; хозяйка чем-то отличившегося публичного дома в Страсбурге и московская портниха, провертевшая две дырки в стене своей примерочной, причем дамы знали об этом все до одной; молодой человек, продавший свою любимую в публичный дом... Этот поток кончается, понятно, Мессалиной, а после нее Маргарита перестает различать лица и грехи.

Эротическую заряженность медленного действия, в котором нагие и прекрасные грешницы являются на Великий Бал вместе со своими совратителями и насильниками, игнорировать невозможно (практически вся сцена была вырезана советскими цензорами 60-х при первой публикации романа). Маргарита, конечно, не первая ню в русской литературе; но она обнажена небывало публично и, что еще более необыкновенно, не чувствует вины. Более того, она такая не одна. „...Голые женские тела поднимались между фрачными мужчинами. На Маргариту наплывали их смуглые, и белые, и цвета кофейного зерна, и вовсе черные тела... С грудей брызгали светом бриллиантовые запонки...“ Секс здесь не индивидуализирован; Булгакова, в отличие от Набокова, не интересуется, каким особенным образом его герой пришел к своему греху. Бал Сатаны — это не психологическая эротика XX века, а скорее эротический эпос, статическая картина секса в его однообразном и непреодолимом могуществе. Сила вождения не знает времени и пространства, ей подвластны все страны и все эпохи... Но есть, кажется, исключение. Это как раз та страна и то время, которые посетил на этот раз Воланд. Хоть и мало политических преступников пришло в этот раз на Бал Сатаны, они зашли сюда с современной московской улицы.

„Новенькие“, как назвал их Коровьев, все являются политическими. Двое последних отравителей, представленных Коровьевым необычно туманно и, пожалуй, вяло, — первые и единственные из пришедших с того света, чей грех не является плодом любви. Возможно, современные исследователи правы, и в том, как представлял их Коровьев, есть намек на показания Ягоды о том, как он якобы отравил Ежова. Очевидный политический характер, однако, имеет порок только последнего гостя, „наушника и шпиона“, барона Май-геля, кровью которого завершается Бал. Его прототипом был Борис Штейгер, которого, как мы знаем со слов Е. С. Булгаковой, супруга народного комиссара просвещения звала „нашим домашним ГПУ“. По данным Л. Паршина, Штейгер имел должность уполномоченного Коллегии Наркомпроса по внешним сношениям и неизменно сопровождал иностранных послов, в том числе Буллита, во МХАТ.

Похоже, что „новенькие“ грешат не сексуально, а иначе. И, с другой стороны, великие грешники прошлого попадали в ад исключительно за свои любовные приключения. Значит ли это, что нравственность имела сексуальный характер для ушедших поколений, современников же будут судить скорее по их политическим деяниям?

Такая идея не имеет, насколько мы можем судить, корней в творчестве Михаила Булгакова; но она вполне могла бы исходить от Уильяма К. Буллита.

Чего не знала Маргарита

Мало что и в описании Елены Сергеевны Булгаковой, и в описании Чарльза Тейера напоминает знаменитую главу из „Мастера и Маргариты“. Сходятся лишь несколько любопытных подробностей. Шум крыльев, который несколько раз за вечер беспокоил Маргариту, находит объяснение в колоритной детали из воспоминаний Тейера: для украшения вечера было взято множество птиц из Московского зоопарка; во время бала они вылетели из своих клеток, разлетелись по всему зданию, и наутро их пришлось вылавливать всему персоналу во главе с самим Послом. Можно добавить еще, что приключения советского пилота, которого в поисках цветов для бала американцы отправили сначала в Крым, потом на Кавказ и, наконец, в Хельсинки, слегка напоминают невероятное путешествие Лиходеева. И, наконец, фрак дирижера, которым, по словам Елены Сергеевны, „М. А. пленился более всего“, соотносят с „невиданным по длине фраком дивного покроя“, который носил (правда, по другому случаю, в Варьете) Воланд.

С этим фраком, однако, связана некоторая несообразность: он отсутствовал в дневнике Е. С. Булгаковой, написанном по ходу событий, и был вписан ею, когда она редактировала дневник уже в начале 60-х годов. Булгаковеды рассказывают об этом так: „Когда Е. С. делала запись о бале у американского посла, она, естественно, не могла предположить, что Булгаков в романе „Мастер и Маргарита“ использует впечатления этого бала. Когда она работала над второй редакцией, это ей было хорошо известно и она извлекала из памяти полузабытые штрихи, некогда не привлечшие ее внимания“. Похоже, что доступная нам редакция дневников Е. С. Булгаковой в этой части — не столько свидетельство очевидца событий, сколько воспоминание мемуариста, в котором факты смешаны с „полузабытыми штрихами“, заполняющими непонятную связь между фактами. Автор дневника в этом месте не столько фиксировал происшедшее, сколько пытался ретроспективно объяснить некий факт, известный ей по рассказу мужа, но непонятный и потому остановивший внимание при переработке дневника. Этот факт — ясно выраженная Булгаковым (возможно, в ходе обсуждения спорного вопроса о том, какой из вариантов этой главы оставить в романе) ассоциация между Великим Балом у Сатаны и реальной „раг1у“ в американском посольстве. Непонятным же Елене Сергеевне было то, на чем, собственно, основывалась эта ассоциация. Почему она оставалась непонятной даже ей, присутствовавшей на бале в Посольстве, бывшей прототипом Маргариты и помогавшей в

редактировании романа? Не давая ответа, вдова писателя продолжала десятилетия спустя возвращаться к этой теме, вводя в новую редакцию дневника малозначительные штрихи, все равно не снимающие проблему.

Из всего этого мы понимаем, что между балом у Буллита и балом у Воланда была некоторая связь, или сходство, о чем знала жена писателя; но в чем состояла эта связь, Елена Сергеевна, вероятно, могла только гадать. Во всяком случае, не в тех деталях стиля русс, во всех этих петухах, медведях, березках и стукачах, которые увидела она на приеме в Спасо-хаусе. Возможно, сходство состояло в чем-то ином, более важном, чего не знала даже она. Пожалуй, и еще более острый вывод кажется психологически оправданным: что-то, касающееся Бала у Сатаны, или самого Сатаны, Булгаков скрывал от жены.

Быть с русскими, как дьявол

Полномочия Калинину были вручены 19 декабря 1933 года. Долгожданное дипломатическое признание Советского Союза Америкой было крупным успехом. Первого Посла, к тому же друга Ленина, встречали, по характеристике американских газет, „истерическими славянскими эмоциями". Буллит тоже был воодушевлен. Ка первом же банкете в Кремле он с успехом выдержал испытание бесконечными тостами, во время которых надо было стоять и нельзя было закусывать, и дождался того, что Сталин сам предложил ему разного рода содействие (в частности, землю для нового здания Посольства на Ленинских горах). С восторгом докладывая об этом в письме Рузвельту, он говорит о своей тактике словами, сильно напоминающими знаменитый совет Воланда: „никогда и ничего не просите... в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами вес дадут!" Его утонченный опыт психобиографии сгодился ему здесь только на то, чтобы увидеть в Сталине „цыгана с корнями и эмоциями, выходящими за пределы моего понимания". Ворошилова он характеризовал как „одного из самых очаровательных людей, которых я встречал в жизни".

По словам Уоллеса, Буллит в первые годы своей службы Послом с энтузиазмом относился к большевикам. Он даже уговаривал Уоллеса, тогда министра сельского хозяйства, внимательнее относиться к успехам русских в этой области, особо подчеркивая почему-то их успехи в искусственном осеменении. Его принимал Сталин, однажды они провели в беседе вдвоем целую ночь. Буллит рассказывал о нем как о выдающемся человеке, однако не скрывал отвращения, вспоминая, как Сталин целовал его „открытым ртом". Обилие алкоголя и застольные ритуалы Кремля тоже были ему не по душе. „Он имел свободный и либеральный склад духа. Он любил ходить повсюду и не мог вынести, чтобы его ограничивали и за ним шпионили". В результате, рассказывал Уоллес, за годы работы в Москве отношение Буллита к Советской России резко изменилось. В 1946 году Буллит характеризовал советскую Компартию как группу того же сорта, что и испанская инквизиция; при этом он говорил, что очень полюбил русских людей, а женщины в Москве вызывали его восхищение: даже на строительстве метро они работали больше мужчин. В конце концов Уоллес, ставший после войны умеренным сторонником сближения с Советами, стал осуждать Буллита за нестабильность и чрезмерный антисоветизм; именно такие люди, писал он, и готовили холодную войну. „Он был восхитительным человеком, но был подвержен эмоциональным потрясениям и внезапным переменам".

Между тем Сталин не выполнял никаких обещаний, на Ленинских горах начали строить Университет, а люди, которых Буллит пытался привлечь к себе, а кого-то успел полюбить, исчезали на глазах. 1 мая 1935 года, сразу после Фестиваля весны, Буллит писал Рузвельту: „Я не могу, конечно, ничего сделать для того, чтобы спасти хоть одного из них". Арестованный Георгий Андрейчин, бывший уполномоченным МИДа по связям с американским Посольством,

передал из камеры письмо, написанное на туалетной бумаге (!), „в котором он умоляет меня не пытаться спасти его, иначе он наверняка будет расстрелян". Верил Буллит в аутентичность таких посланий или нет (скорее верил, иначе зачем было сообщать о них Рузвельту), сделать он в самом деле не мог ничего. Андрейчина сменил Борис Штейгер; и он вскоре был арестован, о чем американский Посол тоже сообщил своему Президенту.

Позднее Буллит опишет свои действия под конец пребывания в Москве довольно необычно для дипломата: „Я был с русскими, как дьявол. Я делал все, что мог, чтобы дела у них пошли плохо”.

Вмешательство высших сфер

Булгаков находился под непрерывной и страшной угрозой, справиться с которой было выше человеческих сил. „Что, мы вам очень надоели?" — спросил его Сталин во время знаменитого телефонного разговора. „Поверьте моему вкусу: он вел разговор сильно, ясно, государственно и элегантно", — писал Булгаков другу. Со Сталиным же он делился тем, что „с конца 1930 года страдает тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски", и помочь ему может только поездка вместе с женой за границу. Получив отказ, он лечился гипнозом у доктора С. М. Берга.

Лечение помогло с первого же сеанса. Началось оно, судя по дневнику Е. С. Булгаковой, 21 ноября 1934 года. Доктор внушал, что завтра пациент сможет пойти в гости один. Действительно, на завтра писатель вышел один, чего не было уже полгода. Прошло два месяца, и увлеченный Булгаков начинает сам лечить гипнозом. Пациентом был художник В. В. Дмитриев, страдавший от „мрачных мыслей". После первого внушения Дмитриев позвонил „в диком восторге", просил еще: „мрачные мысли, говорит, его покинули, он себя не узнает". В феврале 1935 года Берг провел Булгакову еще три сеанса. Один из них был, по переданным Еленой Сергеевной словам пациента, „замечательно хорош"; после другого Берги, Булгаковы и другие гости ужинали вместе. „Уходя, Берг сказал, что он счастлив, что ему удалось вылечить именно М. А."

Потом доктор Берг заболел сам. Извиняясь, что не может прийти на очередной сеанс, он продолжал: „Бесконечно рад тому, что Вы вполне здоровы; иначе и быть, впрочем, не могло — у Вас такие фонды, такие данные для абсолютного и прочного здоровья!" Он возвращает пациенту гонорар: „за хождение в гости к хорошим знакомым денег никак взять не могу". Любопытным образом Булгаков в своем ответе Бергу сам употребляет интонации гипнотизера по отношению к своему заболевшему гипнотизеру. Это неопубликованное письмо от 30 марта 1935 года стоит привести полностью: Дорогой Сергей Миронович!

С огорчением узнал, что у Вас все еще тянется эта волынка с болями. Надеюсь, верю, желаю, чтобы эта прицепившаяся к Вам мерзость отпустила Вас поскорее. Так и будет. Вместе с весенним солнцем воспрянете и Вы. Я думаю о Вас и не хочется писать свою (?) Коротко говоря, я чувствую себя очень хорошо. Вы сделали так, что проклятый страх не мучит меня. Он далек и глух. Я навещу Вас. Вспоминаю теплые наши беседы. Нечего и говорить, что Елена Сергеевна шлет Вам очень хороший привет. Софье Борисовне лучшие пожелания от нас обоих. Ваш М. Булгаков".

Инфантильная позиция пациента-гитютика, зависимого от чужой воли и способного без рассуждений ожидать магической помощи со стороны, в творчестве Булгакова принимала формы блестящей и иронической фантазии, в которой — на деле — осуществляются желания. Пусть профаны и чекисты поймут ото как фокус и гипноз. „Культурные люди стали на точку

зрения следствия: работала шайка гипнотизеров и чревовещателей, великолепно владеющая своим искусством", — так заканчивается его роман. Но читатель, конечно, не верит следствию. Читатель верит автору и его трагическому таланту: чудесное вмешательство не только возможно, но и является единственным выходом из абсурдной советской ситуации.

В пьесах и романе Булгакова, написанных в 30-е годы, всерьез, с надеждой и верой запечатлен образ всемогущего помощника, обладающего абсолютной светской властью или магическим всемогуществом, которые тот охотно, без просьб использует для спасения больного и нищего художника. В начале десятилетия он обращал подобные ожидания к Сталину. Похоже, что к середине 30-х годов его надежды переориентировались на американского Посла в Москве. Почему-то в декабре 1933 года Е. С. Булгакова отмечает в дневнике официальное сообщение о прибытии в Москву „нового американского Посла". Что-то — мы не знаем, что — заинтересовало Булгаковых. В характеристике события Елена Сергеевна немного ошиблась: Посол был первым, и о нем нельзя было сказать, что он „новый". Но автор дневника, похоже, интересовалась не политической сутью дела, а чем-то другим. Проще всего предположить, что это были заботы об авторском праве на постановку „Дней Турбиных" в Америке, о чем время от времени велись переговоры. И действительно, Буллит сразу посетил спектакль „Турбиных", через некоторое время запросил через „Интурист" рукопись пьесы и держал ее на своем рабочем столе. В марте 1934 года „Дни Турбиных" были поставлены в Йейле, родном университете Буллита. Чарльз Тейер вспоминал, что его первое знакомство с Буллитом, только что прибывшим в Москву в качестве Посла, началось тоже с „Турбиных". Тейер только начал учить русский язык и, оказавшись в Москве, искал работы в организуемом Посольстве. Посол жил тогда в Метрополе, Тейер с трудом пробился к нему через московских швейцаров и представился. Буллит попросил его прочесть страницу из лежавшей перед ним рукописи. Это были „Дни Турбиных". Читать по-русски Тейер еще не мог, но содержание пьесы знал и стал ее пересказывать. Буллит понял обман, но оценил молодого человека, который действительно стал его переводчиком, а потом — кадровым дипломатом.

Булгаков и Буллит познакомились 6 сентября 1934 года, во МХАТе на очередном спектакле „Дней Турбиных". Подойдя к драматургу, Буллит сказал, что „смотрит пьесу в пятый раз, всячески хвалил ее. Он смотрит, имея в руках английский экземпляр пьесы, говорит, что первые спектакли часто смотрел в него, теперь редко".

Судя по записям Е. С. Булгаковой, они с мужем не раз бывали на официальных и домашних приемах в посольстве. Поначалу это знакомство казалось сенсационным: друзей семьи „распирает любопытство — знакомство с американцами!". Потом записи Елены Сергеевны об этих контактах становятся спокойными, даже монотонными. 16 февраля 1936 года Елена Сергеевна записывала: „Буллит, как всегда, очень любезен; 18 февраля: „Американцы очень милы"; 28 марта: „Были в 4.30 у Буллита. Американцы — и он тоже в том числе — были еще милее, чем всегда". Через две недели: „Как всегда, американцы удивительно милы к нам. Буллит уговаривал не уезжать, остаться еще..." Посол охотно демонстрировал свою дружбу с писателем, знакомил Булгакова с европейскими послами, хвалил его пьесы.

Булгаковы и Буллит с его свитой общались между собой так, как общаются близкие люди — иногда очень часто, почти каждый день, иногда с большими перерывами, совпадающими с отъездами Буллита в Вашингтон. 11 апреля 1935 года Булгаковы принимают американцев у себя („икра, лососина, домашний паштет, редиски, свежие огурцы, шампиньоны жареные, водка, белое вино"). 19 апреля они обедают у секретаря Посольства Ч. Боолена. 23 апреля в Посольстве состоялся „Фестиваль весны". 29 апреля у Булгаковых снова Боолен, Тейер, Ирена Уайли и еще несколько американцев. „М-с Уайли звала с собой в Турцию". Уже назавтра Булгаковы снова в посольстве. „Буллит подводил к нам многих знакомиться, в том числе

французского посла с женой и очень веселого толстяка — турецкого посла". Следующий вечер, третий подряд — Булгаковы вновь проводят с американскими дипломатами. Примерно в эти дни Буллит пишет Рузвельту: „Я, конечно, не могу ничего сделать для того, чтобы спасти хоть одного из них“.

А помощь была нужна. Все это время Булгаковы пытались подать документы на выезд. 11 апреля 1935 года Булгаковы принимали у себя двух секретарей американского посольства — Ч. Боолена и знакомого нам Ч. Тейера. „М.А... сказал, что подает прошение о заграничных паспортах... Американцы нашли, что это очень хорошо, что ехать надо“, — записывала Елена Сергеевна. В июне 1935 года документы были приняты инстанциями; в августе Елена Сергеевна записывает о получении очередного отказа. 16 октября Булгаков один ездит на дачу к Тейеру. 18 октября Булгаковы на обеде у Посла: „Буллит подошел, и долго разговаривали сначала о „Турбинных“, которые ему страшно нравятся, а потом — „Когда пойдет „Мольер“?“ Мольер пошел только в феврале 1936, и на генеральной репетиции был Тейер с коллегами: „американцы восхищались и долго благодарили“. 21 февраля Буллит на просмотре „Мольера“: „за чаем в антракте... Буллит необычайно хвалебно говорил о пьесе, о М. А. вообще, называл его мастером" (понятно, какое значение имело это слово для Булгакова). 19 февраля 1936 года гостям Буллита (из русских присутствовали Булгаковы и художник П. П. Кончаловский с женой) был показан с очевидным намерением выбранный фильм „о том, как англичанин-слуга остался в Америке, очарованный американцами и их жизнью“. Между тем со сцены снимают „Мольера“. 14 марта Булгаковы снова приглашены на обед к Послу. „Решили не идти, не хочется выслушивать сочувствий, расспросов“. Через две недели все же поехали к Буллиту. „Американцы — и он тоже в том числе — были еще милее, чем всегда“. Насколько мы знаем из дневника Елены Сергеевны, в ноябре Булгаков еще два раза был в Посольстве.

О чем беседовал он там? Чего-то Елена Сергеевна могла не знать, что-то знала, но предпочла не писать об этом. Во всяком случае, планы отъезда писателя с женой наверняка обсуждались с сотрудниками американского Посольства, которые и разговорами, и кинофильмами поддерживали эти намерения. Трудно себе представить, чтобы Булгаков не связывал теперь с ними, и прежде всего с самим Послом, своих главных надежд.

После отъезда Буллита Булгаков в посольстве не бывал. В апреле 1937 года его вновь приглашали на костюмированный бал, который давала дочь нового Посла. Он не поехал, сослался на отсутствие костюма.

Велено унести вас...

Уильям Буллит, пациент, соавтор и спаситель Фрейда, дипломатический партнер Ленина и Сталина, сотрудник Рузвельта и покровитель Булгакова, заслуживает того, чтобы о нем писались романы. Но, может быть, роман о нем — и великий роман — уже написан? Проследим еще раз последовательность событий. Бумаги Булгаковых на выезд лежали в инстанциях. В июне 1934 года Булгаков получает очередной отказ на свою просьбу отпустить его за границу. Он обжалует его в новом письме Сталину, на которое теперь уже не получает ответа. Все лето „М.А. чувствует себя отвратительно“; „все дела валяются из рук из-за этой неопределенности“; „очень плохое состояние — опять страх смерти, одиночества, пространства“. 6 сентября Булгаков на своем спектакле во МХАТе знакомится с Буллитом. 21 сентября Булгаков возобновляет работу над „Мастером и Маргаритой“. 13 октября его жена записывает; „...плохо с нервами. Боязнь пространства, одиночества. Думает, не обратиться ли к гипнозу“. В октябре 1934 года Булгаков пишет набросок последней главы своего романа. Воланд беседует с Мастером: „ — Я получил распоряжение относительно вас.

Преблагорриятное. Вообще могу вас поздравить. Вы имели успех. Так вот, мне было велено... — Разве Вам могут велеть? — О, да. Велено унести вас".

В первых редакциях романа, написанных еще до прибытия Буллита в Москву, в тексте не было ни Мастера, ни Воланда. Дьявол, впрочем, был уже в самых первых редакциях, но оставался абстрактной магической силой. С каждой следующей переработкой дьявол становился все более земным и конкретным, приобретал все более человеческие, хотя и совершенно необычные черты. А став таковым, он по самой логике вещей, еще до знакомства с Буллитом оказался иностранцем (среди вариантов названий романа были, например, „Консультант с копытом" и „Подкова иностранца").

Булгаковеды, нашедшие десятки и сотни переключек между романом Булгакова и разными другими текстами, от Энциклопедии Брокгауза и „Фауста" до антикварных книг по демонологии и масонству, соглашаются, однако, в том, что Воланд, в романе много раз прямо называемый сатаной, им все же в полной мере не является. „У булгаковского Воланда как литературного героя родословная огромна", — пишет, например, Л. Яновская, но „фактически ни на кого из своих литературных предшественников булгаковский Воланд не похож". М. Крепе, суммируя обычное читательское восприятие, идет дальше: „булгаковский Воланд — не только не привычный Дьявол, но и во многом его антипод... Роль Воланда в романе не в том, чтобы сеять зло, а в том, чтобы его разоблачать",

Пребывание Буллита в Москве довольно точно совпадает по времени с работой Булгакова над третьей редакцией его романа. Как раз в ней прежний оперный дьявол приобрел свои человеческие качества, восходящие, как нам представляется, к личности американского Посла в ее восприятии Булгаковым — могущество и озорство, непредсказуемость и верность, юмор и вкус, любовь к роскоши и к цирковым трюкам, одиночество и артистизм, насмешливое и доброжелательное отношение к своей блестящей свите (прототипы которой тоже хочется, хотя и без специальных оснований, увидеть среди сотрудников Посольства). Некоторые их физические черты тоже сходны: Буллит тоже был лыс, обладал, судя по фотографиям, вполне магнетическим взглядом и вместе с Воландом маялся стрептококковой инфекцией, от которой болят суставы. Известно еще, что Буллит тоже любил Шуберта, его музыка напоминала ему счастливые дни с первой женой. И, конечно, у Буллита был в Посольстве глобус, у которого он мог развивать свои геополитические идеи столь выразительно, что, казалось, сами моря наливаются кровью; во всяком случае, одна из книг Буллита, написанных после войны, так и называется — „Сам великий глобус".

В 20-х годах, скупо рассказывает Уоллес, Буллит задавал в Париже ошеломляющие вечеринки: „он попросту имел лакея, обслуживающего гостей голым, или что-то вроде этого". Позже Буллит тоже, вероятно, практиковал, или по крайней мере рассказывал, „что-то вроде этого". Зато с чувствительным собеседником, жадным до впечатлений и подробностей нездешней, невероятной жизни, Буллит здесь повезло куда больше. „Тех, кто побывал за границей, он готов был слушать, раскрыв рот", — вспоминала о Булгакове первая его жена.

К тому же в Москве 30-х годов рассказы и поступки Буллита были куда более невероятны, чем в Париже 20-х. В реальной жизни боящихся друг друга, теряющих представление о реальности свидетелей и участников Московских процессов — жизни Мандельштама, Зощенко, Бухарина, Берии — могли случиться и любовь Мастера и Маргариты, и купание Бегемота с портнихой в ванне с коньяком. Однако эротическая роскошь Бала Сатаны больше напоминает литературную реальность приятеля Буллита Ф. Скотта Фицджеральда, его романы из жизни скучающих и спивающихся миллионеров, тоже задававших по весне балы. Отсюда в романе московского приятеля Билла Буллита могла появиться и голая служанка Гелла („нет такой услуги, которую она не могла бы оказать"), одним своим видом сводящая москвичей с ума, и

нагие гости всех цветов кожи под руки с фрачными кавалерами, и коллективное купание в бассейне с шампанским...

Буллит и Джонс действуют

„Как должен такой человек ненавидеть анализ! Я втайне подозреваю, что злобная ярость, с которой он пошел в поход на некую столицу, относилась, в сущности, к жившему там старому аналитику, его истинному и настоящему врагу — к философу, разоблачившему невроз, великому обладателю и распространителю отрезвляющей правды", — писал в 1939 году Томас Манн в своем эссе „Братец Гитлер". Больному, упрямому и величественному старцу, остававшемуся в Вене несмотря на уговоры близких и пример давно разъехавшихся учеников, грозила смертельная опасность.

Реакция Буллита на аншлюс была моментальной и эффективной. Он информировал Рузвельта о необходимости сделать все возможное для спасения Фрейда. Он просил американского Посла в Вене Джона Уайли (еще недавно бывшего сотрудником Буллита в Москве) действовать по официальным каналам. Он встретился с германским Послом во Франции, угрожая международным скандалом, если со знаменитым венским евреем что-либо случится. Второй ключевой фигурой в этом деле был Эрнест Джонс. Уже на следующий день после оккупации Вены он прилетел из Лондона в Прагу и оттуда, на нанятом маленьком моноплане, сумел долететь до Вены, приземлившись среди нацистских штурмовых самолетов.

Фрейда все еще приходилось уговаривать. Джонс рассказал ему историю про капитана „Титаника", который оставил свой корабль со словами: „Это не я покидаю „Титаник"; он меня покидает". Французская ученица Фрейда, княгиня Мари Бонапарт собирала тем временем деньги, которые нацисты требовали за выкуп. Довольно скоро Буллит встречал Фрейда с семьей на парижском вокзале. Дочь Фрейда Анна успела все же побывать в венском гестапо. Вернемся на три года назад. Буллит в Москве, Джонс в Лондоне, Фрейд в Вене. Мир с ужасом и изумлением следит за Московскими процессами. В июле 1936 года принимается известное нам Постановление о педологических извращениях. Идеологические дискуссии позади. Над оставшимися в России психоаналитиками висит угроза уничтожения.

В августе 1936 года в рабочем дневнике Фрейда почти одновременно появляются две загадочные записи: 25.8. Буллит едет в Париж; 28.8. Джонс Эрнест с семьей едет в Россию. Буллит, как мы знаем, в ноябре 1936 года все еще был в Москве и принимал таи Булгакова. Вероятно, он заранее сообщил Фрейду свои намерения. Что касается Джонса, то об этом его путешествии вовсе ничего неизвестно; возможно, оно планировалось, но не состоялось. Возможно также, что эта заметка касается не Эрнста Джонса, а внука Фрейда, тоже Эрнста, жившего в Лондоне.

Совпадение во времени этих двух новостей между собой и с Постановлением по педологии кажется неслучайным. Весьма вероятно, что Буллит знал и поддерживал московских аналитиков в середине 30-х годов. Для него, с энтузиазмом относившегося поначалу к экспериментам режима и продолжавшего поддерживать рабочий контакт с Фрейдом, советский психоанализ, несомненно, был интересен и важен. Русское общество по-прежнему оставалось признанным Международной ассоциацией, и его члены были коллегами, оказавшимися в неясной и опасной ситуации. Вполне вероятно, что Фрейд и руководство Международной психоаналитической ассоциации могли рассматривать американского Посла как своего эмиссара. Постоянно общавшийся с Бухариным, Бубновым и Штейгером, Буллит был, конечно, полностью в курсе дел Наркомпроса. Разгром педологии мог быть последней каплей, убедившей его в перерождении режима и в бесперспективности пребывания в России.

Сообщая Фрейду свои планы в августе 1936 года, Посол, конечно, выразил тогда и свое отношение к ситуации в Москве.

Если Джонс, бывший президентом Международной ассоциации, действительно решил тогда ехать в Москву, то это могло быть непосредственной реакцией на события. Джонс должен был хорошо помнить, например, Александра Лурию, бывшего организатора Казанского общества, регистрацию которого Джонс так упорно поддерживал на Берлинском конгрессе 1922 года (см. гл. 6); Веру Шмидт, Детский дом которой много раз обсуждался психоаналитической элитой; Сабину Шпильерсйн с ее необычной судьбой, всего несколько лет назад ее еще печатали европейские психоаналитические журналы... Если же заметка Фрейда имеет в виду намечавшуюся поездку в Москву его внука, то она все равно как-то связана с упоминаемым тут же Джонсом; Эрнст Фрейд мог получить тогда некое поручение от Джонса, о котором знал Фрейд. Возможно, что Джонс и Буллит планировали какую-то международную акцию; но, учитывая многочисленные разочарования Буллита, кажется более вероятным, что Джонс или Эрнст Фрейд просто спешили воспользоваться гостеприимством Посла для того, чтобы ознакомиться своими глазами с ситуацией. Так или иначе, этот алан был одобрен Фрейдом. Мы находимся здесь на довольно шаткой почве. Однако след Буллита и, возможно, свидетельство его сотрудничества с Джонсом можно усмотреть в одном документальном, хотя и удивительном факте. В 1934 году, после долгого перерыва, журнал Международной ассоциации публикует новый список членов Русского психоаналитического общества (59). Журнал издавался Джонсом. Список 1934 года выглядит странным образом раздутым; в нем фигурируют среди прочих известные нам персонажи, которые к этому времени давно уже отошли от психоанализа, например, А. Залкинд или О. Шмидт. Между тем в это время общество фактически не функционировало, контакты с заграницей стали опасны, а оставшиеся в России члены его не могли не чувствовать реальной угрозы и, вообще говоря, меньше всего были заинтересованы в подобной информации, которая была, пожалуй, почти равносильна доносу.

Буллита, по всей видимости, перед отъездом в Москву просили навести соответствующие справки, и он сделал дело не откладывая. Могла ли публикация такого списка дать ему формальную возможность ходатайствовать за них, а западным коллегам — шанс на защиту московских психоаналитиков как признанных членов Международной ассоциации по типу того, как это делалось западными учеными по отношению к советским коллегам позже, в 60-х и 70-х?

Более всего вероятно, что только приехавший в Москву и не разобравшийся еще в ситуации Буллит запросил этот список по официальным каналам, подобно тому, как он доставал рукопись „Дней Турбиных“ через контору Интуриста. Информация сама шла в руки: его гид по Москве, расстрелянный на Балю Сатаны Штейгер-Майгель занимал должность не где-нибудь, а в Наркомпросе. Органы, получив запрос и не желая терять лицо (это был еще 1933), покопались в архиве и список составили побольше. Для Джонса же и других читателей этот список оказался совершенно дезориентирующей информацией.

Конечно, предположение о роли Буллита в представительстве интересов Международной психоаналитической ассоциации в Москве и в защите московских аналитиков остается не более чем правдоподобной гипотезой. Такое предположение могло бы, однако, объяснить, почему никто из советских психоаналитиков тогда, в середине 30-х годов, не пострадал. По логике событий, такие люди, как Сабина Шпильерсйн, Иван Ермаков или Александр Лурия должны были бы стать прямой мишенью репрессий. Впрочем, у событий такого рода могло и не быть логики.

Историки гадают сегодня и о причинах, по которым Фрейд участвовал в столь необычной для него книге о Вильсоне. Согласно одному из предположений, сформулированному П. Роазеном, Вильсон интересовал Фрейда тем, что при всех очевидных различиях судьбы этих людей складывались сходным образом: они родились в один год, творческие возможности обоих высвободились после смерти их отцов, оба были счастливы в браке, отличались „одноколейным мышлением“, видели себя создателями духовных империй... К этому перечню совпадений, неизбежно произвольному, можно добавить еще одно: оба, каждый по-своему и по своим особым причинам, упустили исторический шанс, связанный с Россией. Президент Вильсон несет за это политическую ответственность; ответственность, которую мог чувствовать Фрейд, другого сорта. Возможно, он видел в истории Вильсона, в неудаче Версальского мира, в протесте Буллита соответствие собственным переживаниям, предметом которых была Россия: прошлых надежд и сожалений, нынешних чувств беспомощности и вины перед оставленными в беде коллегами, подданными его „империи“, среди которых были и очень близкие люди. Не любивший Америку несмотря на свою славу там и расцвет в ней его учения, Фрейд написал историю невроза одного из ее президентов; а о России, с которой он был связан множеством духовных нитей и лидеры которой были больны несравнимо тяжелее и интереснее Вильсона, он почти всю свою жизнь хранил горькое молчание.

Социально-психологические эксперименты в Варьете

Подобно Фрейду с Вильсоном, Буллит и Булгаков родились в один и тот же год — 1891. При всем различии их судеб и положений в их характерах и интересах было немало общего. Буллит, пациент интерпретировавшего даже фамилии Фрейда, и Булгаков, автор множества смешных и странных фамилий — оба они не могли не заметить и не обсудить сходства их собственных имен (одним из ранних псевдонимов Булгакова был даже М. Булл).

О чем рассказывал Булгакову Буллит? О парижских красавицах и о голливудских приемах в бассейнах? Или о теории Фрейда, о том, что все в человеке, хорошее и плохое, объясняется как реализация его сексуальности, но только нынешнюю политическую жизнь так не объяснишь, вот хотя бы то, как шпионит себе во вред этот Штейгер... Или о том, как он, Буллит, был наивен, думая, что московское население изменилось внутренне под влиянием великого эксперимента, а оно — достаточно сходить в Варьете — не изменилось ничуть, если не считать „аппаратуры“?

Или о том, как прав был Гете, и мир, пройдя дьявольские искушения, все же изменится к лучшему Фраза Мефистофеля „Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо“, составляющая эпиграф к роману „Мастер и Маргарита“, цитируется и в Предисловии к книге о Вильсоне (в том смысле, что Вильсон, в противоположность Мефистофелю, все хотел добра, но всегда творил зло). Мы не знаем, в каком из текстов эта фраза появилась первой; оба писались одновременно и много раз переделывались на протяжении всего десятилетия. Буллит мог перенести ее от Фрейда к Булгакову или, наоборот, воспринять от Булгакова и вставить в свою с Фрейдом рукопись. Но даже если появление этой цитаты на центральном месте в двух столь разных книгах является случайным совпадением, оно свидетельствует об их неожиданной общности.

Собеседником Посла был человек, проживший свою жизнь в таких условиях, которые, подобно личности Сталина, выходили за пределы понимания; бывший врач-венеролог, пролечивший в свое время немало сифилитиков и сделавший пару десятков аборт; любитель политики, заполнявший страницы своего дневника злорадными анекдотами о большевистских вождях и детальным изложением международных переговоров советского правительства; знаменитый в этой стране писатель, который сочинил множество странных людей, чьи слова и поступки

кажутся естественными миллионам его читателей. Буллиту должно было быть любопытно, с чем согласится и с чем будет спорить его московский собеседник. Но, конечно, Посол представить себе не мог, ассоциации какой силы и блеска возникнут у этого симпатичного, старавшегося никогда ни о чем не просить человека; какими будут импровизации на темы его, Буллита, случайных слов и жестов, необыкновенной его личности и банальных московских наблюдений; в какую Историю он войдет.

Герой романа Булгакова, „иностраный специалист“, снова, после длительного перерыва приезжает в Москву начала 30-х с вполне определенными целями — с намерением посмотреть на „москвичей в массе“ и оценить происшедшие с „нароdonаселением“ психологические изменения. Средства, которыми он располагает, производят на непривычных москвичей впечатления дьявольских; но его цели вызывают совсем не мифологические ассоциации. Наделенный магическими возможностями для постановки эксперимента, в своих выводах он пользуется обычной логикой экспериментатора. „Горожане сильно изменились, внешне, я говорю, как и сам город, впрочем... Но меня, конечно, ...интересует... гораздо более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне?“, — задает Воланд сам себе, своей команде и своим испытуемым профессионально поставленный вопрос, тот самый, который не раз (например, в „Неудовлетворенности культурой“) ставил и Фрейд. — „Да, это важнейший вопрос, сударь“ — подтверждала свита. Действительно, это тот самый вопрос о возможностях преобразования человека, который интересует русскую культуру начиная с символистов „серебряного века“ и кончая современными Воланду педологами. Вопрос интересует любителей и профессионалов до сих пор, в сегодняшних терминах это называется „Хомо Советикус“. Естественно, что практически вся сцена в Варьете была устранена при публикации романа в 60-х годах наравне с Балом Сатаны.

Дьявол не просто мучит и не только терзает; он искушает и испытывает. Из современников Булгакова об этом очень ясно писал Вячеслав Иванов: гетевский Мефистофель, считал Иванов, испытывает Фауста так же, как ветхозаветный Сатана — Иова, и находит-таки единственное уязвимое место — „сферу вожделений“; не случайно первая же экскурсия Фауста с новым всемогущим гидом оказалась направлена на кухню ведьм. Булгакову, в отличие от Гете, Фрейда и Иванова, вожделение уже не кажется самым страшным и самым загадочным в человеке. Люди нового века, Мастер и Маргарита уверенно предаются своей любви, и Воланду не приходится ни искушать их, ни как либо иначе интересоваться эротической стороной их жизни. Для Воланда и Булгакова тайна человека в другом: в жестокости и милосердии; в зависимости и способности к сопротивлению; во власти над толпой и слиянии с ней.

Я вовсе не артист, настаивал Воланд, пытаюсь разъяснить уже после проведенного эксперимента свои познавательные задачи и методы, „просто мне хотелось посмотреть москвичей в массе, а удобнее всего это было сделать в театре“ *. И действительно, он проводит в московском Варьете ряд логичных, отменно поставленных тестовых экспериментов. Реакция на неопределенность и молчание: публика в напряжении и тревоге. Реакция на деньги: дождь из купюр вызвал всеобщее веселье, изумление и возбуждение. Реакция на смерть: оторванная голова вызывает в публике истерику, а потом женский голос просит проявить милосердие. Что ж, реакции адекватные, можно сказать, общечеловеческие. Воланд рассуждает: „Они — люди как люди... Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну легкомысленны... Ну что же... и милосердие иногда стучится в их сердца“. Решающий эксперимент на проверку ниц-шеанско-большепевистской гипотезы о возможности переделки человека поставлен. Для Булгакова и Буллита он был мысленным; литературный Воланд осуществляет его в действии; в реальности эксперимент завершится только полвека спустя. Итак, ставится диагноз, точнее которого и сегодня никто не сформулировал: „Обыкновенные люди... в общем напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их“.

Идея преобразования человека волновала Булгакова как ключевая проблема эпохи. В „Собачем сердце” он дал нам один ее образ; в „Мастере” — другой, не менее яркий. Иван Бездомный после встречи с Воландом проходит полный цикл „переделки”. Столкновение с дьяволом, острый бред и психиатрическое лечение превращают пролетарского поэта-пьянчугу в добропорядочно-го советского профессора. Типичный Нопю ЗоуеНсиз, фамилия которого очередной раз намекает на „квартирный вопрос”, принимает все, что с ним происходит, без особого удивления,

Так же, и с еще более поразительным равнодушием, герои Зощенко (см. гл. 10) рассказывают о самых невероятных событиях своей обычной жизни. Тотальное погружение советского человека в советский же быт избавляет от размышлений о нем, от сомнений, удивлений, тревог... Чтобы „остранить” советскую жизнь, нужен иностранец. О. Мандельштам писал в 1922 году: „Быт — это иностранщина, всегда фальшивая экзотика, его не существует для своего домашнего, хозяйского глаза... другое дело турист, иностранец (беллетрист); он пялит глаза на все и некстати обо всем рассказывает”. В том году вышел „Хулио Хурени-то” Эренбурга, весь построенный на контрасте между двумя видениями советской жизни — иностранца-сверхчеловека и местного простака. Пройдет полтора десятилетия, и Воланд, Мастер и Бездомный покажут, насколько более сложной являлась та ядерная ситуация.

Профессионального психиатра, с которым консультировался Булгаков по поводу „случая” Ивана, привычное равнодушие последнего к своей судьбе (еще и в странном сочетании с привычной же паранойяльной агрессивностью), не устраивало: „Иван Николаевич должен бы по законам психопатологии испытывать чувство тоскливого страха. Ведь ежели человек видит такую „чертовщину”, то не может ему не быть не по себе. У покойного Берлиоза это вами очень отмечено, а Иван Николаевич, как мне кажется, главным образом направляет свою активность по линии преследования врагов и разрушения их замыслов, но ничуть не реагирует на необычность совершающегося перед ним и с ним самим”.

Но это для Воланда и Буллита, и в какой-то степени для Цейтлина и Булгакова, жизнь Бездомного кажется невероятной. Для него самого она нормальна, и писатель понимал это лучше психиатра. Истории о „психической переработке”, которые рассказывал Всеволод Иванов в „У” (см. гл. 6), тоже кажутся невероятными читателю и тоже не вызывают никакого удивления у героев. Советская жизнь вообще удивительна только для внешнего наблюдателя.

Мастер и зависимость

Итак, „иностранный специалист”, любитель театра познакомился там с попавшим в беду местным Мастером, которому без посторонней помощи отсюда не выбраться, да и с ней никак. Всесильный помощник, он покинул Москву и с сожалением оставил писателя с его подругой одних — самим идти по направлению к вечному их дому. Со всеми колоссальными своими возможностями не смогший помочь ему на этой земле, он, наверно, думал, что лишь развлек его, да участвовал в его мечтаниях о тишине, которой тому никогда не давали в жизни. Он не знал, что на последних шагах своего пути этот Мастер вспомнит о нем.

Зависимость давала писателю стимул и материал для творческой переработки всю последнюю часть его жизни. Но, конечно, она не определяла полностью содержание того, что он писал. В романе Булгакова есть огромной важности слои — вся евангельская тема, да и не только она, — которые к отношениям Булгакова с Буллитом не имеют видимого отношения. И в самом образе Волан да есть множество черт, взятых автором из каких-то других источников.

Зависимость Булгакова от Буллита и Мастера от Баланды в чем-то подобна, а в чем-то отлична от другой важной для писателя как раз в это время зависимости — от ходившего к нему в гости врача-гипнотизера С. М. Берга, снявшего за несколько сеансов тяжелую невротическую реакцию. Увлечшись, Булгаков сам стал творить чудеса и за один сеанс избавил своего приятеля от „мрачных мыслей" образца 1935 года (66). В романе Булгакова давно отмечен удивительный эффект наложения образов Воланда и Мастера: два героя, столь различные между собой, рассказывают в романе, продолжая друг друга, одну и ту же Историю.

Зависимость включает в себя, как один из своих психологических механизмов, идентификацию с тем, от кого зависишь. Так страдающий Булгаков начал сам проводить гипноз приятелю, отождествившись тем самым со своим избавителем-гипнотизером, а потом, как мы видели, и с ним самим стал говорить суггестивным языком.

Эффективный гипноз — это чудесный апофеоз зависимости одного человека от другого. Не каждый может быть гипнотизером; не каждый оказывается гипна-белен, Булгаков был, и тема гипноза одна из немногих, пронизывающих собой всю структуру романа: Сперанский лечит гипнозом, Иешуа таким же способом лечит Пилата, и в том, что делала в Москве компания Воланда, „наиболее развитые и культурные люди", в романе (а также и некоторые нынешние литературоведы) тоже видят гипноз. В апреле 1938 года С. Л. Цейтлин, дававший Булгакову советы по „психиатрической" линии романа, прислал Булгакову „классическую книгу о гипнозе". Рационально необъяснимое, в буквальном смысле чудесное искусство гипноза, предполагающее абсолютную пассивность одного субъекта и абсолютную власть над ним другого — и требующее от человека добровольного и благодарного принятия этой власти — на редкость соответствовало по своему духу советской эпохе. Увянув на Западе, где его убежденным противником был Фрейд, оно, единственное из всех видов психотерапии, уцелело и даже расцвело при коммунистической власти, видевшей и поощрявшей множество популярных гипнотизеров, от Вольфа Мессинга в 30-х годах до Анатолия Кашпировского в 80-х. Булгаков, пациент гипнотизера, и Буллит, пациент психоаналитика, вряд ли обсуждали между собой свой клинический опыт. Важно другое: в страшном, необъяснимом и непредсказуемом мире сталинской Москвы только чудо может спасти человека. Когда остается надеяться только на чудо, тогда оно кажется возможным и, более того, легко достижимым. Его может творить, и иногда творит, Сталин; его может, наверно, сотворить Посол далекой и могущественной страны; его может сотворить гипнотизер; больше того, его может сотворить даже пациент гипнотизера. Условием является то, что другой человек, в данный момент еще более растерянный и запуганный, поверит в возможность совершения чуда над собой.

30 октября 1935 года к Булгаковым приехала Ахматова: „Ужасное лицо. У нее — в одну ночь — арестовали сына и мужа. Приехала подавать письмо Иос(ифу) Вис(сарионовичу). В явном расстройстве, бормочет что-то про себя". Булгаков помогал составить письмо. Потом предложил Ахматовой переписать от руки отпечатанный на машинке текст — так, по его представлениям, было в данном случае лучше. Отвезли письмо Сталину, на четвертый день пришла телеграмма от Пунина и Гумилева — их освободили. Случилось очередное чудо. События, важнее которых для человека нет, зависели от совершения магических действий. Письма самого Булгакова Сталину — тоже магические действия, и когда они не срабатывали, то, значит, были совершены неверно. То, что Замятин получил разрешение на отъезд, а Булгаков — нет, Замятин объяснял тем, что его письмо было написано „четко и ясно", а письмо Булгакова — „неправильно".

Зависимость, как и любовь, бывает разной. Зависимость Булгакова от Сталина, зависимость односторонняя и полная, идеально чистая, большая, чем зависимость Мольера от Короля-Солнца, была все же другого рода, чем отношения Булгакова с Буллитом. При всем различии их социальных положений и жизненных перспектив это было реальное, дружеское и, вероятно,

обоюдно интересное общение. В результате Воланд куда больше похож на Буллита — физически, эмоционально и, так сказать, как человек, — чем, например, Людовик из „Мольера" похож на реального Сталина.

Все это не значит, конечно, что Буллит непосредственно влиял на художественную ткань романа. Необыкновенно яркая личность, он был второразрядным писателем. Между его единственным романом „Это не сделано" и булгаковскими текстами не видно ничего общего. И все же это голос Буллита, любителя роскоши и женщин, Шуберта и Гете, мы слышим в уговорах Воланда: „Что делать вам в подвальчике? О, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта?" И, в знак общего их иронического интереса к эксперименту по выращиванию новой породы людей: „Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над риторкой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?" Не то же ли самое говорил он несколько позже другому трижды романтическому человеку, Фрейду, который сам себя называл „старым Мастером" и все колебался уезжать из бойни, — и которого Буллит в конце концов, подобно Воланду, сумел-таки вытащить „в тишину".

Разница в том, что Буллит оказался бессилён сделать для Булгакова то, что он в аналогичной ситуации сумел сделать для Фрейда — помочь эмигрировать.

Сага об иностранной помощи

Сюжет романа Булгакова, как и основные его герои, движется одновременно в нескольких плоскостях. Скажем, Маргарита — и трогательная подруга Мастера, и ведьма, и чуть замаскированный портрет жены автора. Ведьма, она осуществляет желания подруги-жены, которые та не способна реализовать земными средствами. Воланд — и дьявол, и Буллит одновременно. Мифологический Воланд на фоне более страшной, чем сам дьявол, исторической Москвы творит благо. Избавляя Мастера и Маргариту от непосильной для них советской жизни, он забирает их к себе. Его исторический прототип при всем своем влиянии не смог сделать то же самое для автора. Что ж, чего не мог сделать для автора его могущественный друг, то делает для выдуманного автором Мастера сам дьявол.

Чем бы ни был „покой" Воланда на том свете, земное его подобие очевидно. Это заграница, эмиграция. Перечитайте сцену прощания, и вы согласитесь: именно эти слова — щемящая грусть... сладковатая тревога... бродячее цыганское волнение... глубокая и кровная обида... горделивое равнодушие... предчувствие постоянного покоя... именно они способны выразить чувства человека, вынужденного добровольно покинуть город и культуру, которые он любит, и предпочесть им эмиграцию, в которой у него будет покой, но не будет света — свет может ему светить только дома.

Так оплачиваются все счета; пережив это, Мастер может глядеть в лицо Воланду „прямо и смело". „Навсегда! Это надо осмыслить", — шептал, наверно, и сам Булгаков, подавая документы на выезд. А может быть, он описывал здесь (и дальше по тексту) прощальные суетливые жесты более счастливого, чем он, Мастера — Е. Замятина, который сумел тогда уехать и писал Булгакову, никогда не бывавшему за границей, письма, не всегда до него доходившие... Во всяком случае, путь Замятина обоими воспринимался как нечто потустороннее: в письме, посланном Булгакову Замятиным накануне отъезда, он называет себя Агасфером, и так же к нему не раз обращался в своих письмах Булгаков.

Бессмыслен спор о том, чем на самом деле кончается эта история — смертью Мастера и Маргариты или их эмиграцией; точно так же бессмыслен спор о том, кем на самом деле был

Воланд. Но, конечно, не стоит мистифицировать роман больше, чем это сделано самим автором, и вовсе не видеть того, что на мифологической канве в нем разворачивается реальная жизненная драма, и прощание Мастера — нелегкое решение, на которое, однако, пошли многие, и среди них сам Булгаков. Как мы знаем, реальный Буллит отнюдь не был всемогущим. Вполне возможно, однако, что демонстративное внимание американского Посла помогло писателю. Даже в те времена внимание заграницы бралось в расчет по крайней мере теми, от кого зависели гонорары. На обсуждении чьей-то чересчур „боевитой“ пьесы Станиславский восклицал: „А что скажет Америка?“ с той же интонацией, с какой в иных случаях беспокоился: „А что скажет Сталин?“ Репетируя „Мольера“, он пугал Булгакова: „А что если французский посол возьмет да и уйдет со второго акта?“.

Хоть в годы пребывания Буллита в Москве Булгаков и не имел покоя, после отъезда Посла в конце 1936 года его жизнь резко ухудшилась. Пытаясь спастись и, одновременно, стремясь оправдать свою зависимость, Булгаков пишет „Батум“, пьесу о Сталине, рассчитанную на чтение самим главным героем. Психолог трактовал бы этот процесс переключения с одной могущественной фигуры на другую (Сталин — гипнотизер _ Буллит — Сталин) как навязчивый поиск трансферного объекта. Невротик переносит свои ожидания магической помощи на подходящую фигуру, и вся его душевная жизнь оказывается сосредоточенной то на одном, то на другом таком объекте. Для писателя подобного склада, оказавшегося в опасной, унижительной и почти невыносимой ситуации, сам его текст, подобно адресованным аналитику ассоциациям на психоаналитическом сеансе, оказывается посланием к объекту его трансферных чувств — любви, зависимости, страха. Сначала, пока есть силы, надежда и разные объекты переноса (не только Сталин, но и Буллит), писательское творчество выражает зависимость в глубоко переработанном виде, никак не соприкасаясь с письмами вождю, отделанными на магический манер. Но силы кончаются, а всемогущий адресат становится единственным. Тогда эти два жанра, столь отличные друг от друга, сливаются в одном тексте. Такой текст выражает и любовь к покровителю, и страх перед его силой, и желание разделить с ним свои неясные чувства, и безотчетную магию, и сознательную лесть, и просьбу, и надежду, и авансом данную благодарность. Такой текст становится делом жизни; его принятие покровителем должно спасти автора и возвести на магическую высоту, а непринятие ведет к добровольной смерти. Булгаков смертельно заболел от известия, что его пьеса о Сталине отвергнута ее читателем-героем. И одновременно вернулся к доработке романа о Воланде, Мастере и Маргарите.

Если Булгаков действительно зашифровал Буллита в Воланде, то он, несомненно, тщательно хранил тайну. Специально говорил одному из друзей: „У Воланда никаких прототипов нет. Очень прошу тебя, имей это в виду“. Проверяя себя, устраивал дома нечто вроде викторины на тему: „а кто такой Воланд, как по-вашему?“ Гости отвечали — сатана, и хозяин казался доволен. Правда, в булгаковском тексте это говорится прямо, и становится непонятно, к чему был вопрос.

В нашем ответе, частичном, как любой ответ, Воланд оказывается Буллитом, безумной мечтой Мастера — эмиграция, а роман читается как призыв о помощи. Неважно, будет ли она потусторонней или иностранной; гипнотической, магической или реальной... Моление о чаше, которого не избежал тот, кто придумал Воланда и кто считал искренне, как Буллит: „Никогда и ничего не просите, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!“. „Как причудливо тасуется колода!“ — восклицал в романе Булгакова Воланд, обнаружив в приведенной к нему на бал москвичке пра-пра-праправнучку согрешившей когда-то французской короле вы. „Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни даже границы между государствами“.

В июле 1935 года, через несколько месяцев после того, как Маргарита слушала Воланда, готовясь к Балу Сатаны, Буллит произносил речь в Вирджинии: „Самые благородные слова, которые когда-либо говорились устами человека, оказались проституированы, и самые благородные чувства, которые когда-либо рождались в его сердце, стали материалом для грубой пропаганды, скрывающей простую правду: что эти диктатуры являются тираниями, навязывающими свои догмы поработанным народам". В ноябре он встречался в Берлине со своим коллегой, послом США в нацистской Германии. Тот записал: „Его замечания о России прямо противоположны его отношению к ней всего год назад". Именно тогда Буллит стал просить Рузвельта о переводе в Париж.

Роль Буллита во Франции была необыкновенно велика. В течение двух предвоенных лет Буллит координировал всю европейскую политику США. После пребывания в Москве его антисоветские настроения стали примерно равны антигерманским. Личный друг Блюма и Даладье, он настаивал на скорейшем вооружении Франции и одновременно играл важную роль в подготовке Мюнхенского соглашения. Во время бегства армии и правительства из Парижа он, вопреки прямому распоряжению Рузвельта, отказался эвакуировать Посольство, что означало для него признать поражение Франции. Больше того, какое-то время до прихода немцев он выполнял функции мэра Парижа. Вот что писал он в Госдепартамент после того, как попал под бомбежку: „В течение многих лет у меня есть чувство, что я пережил настолько больше в своей жизни, чем человеку дано пережить, что мысль о смерти больше не волнует меня".

Дипломатическая карьера Буллита закончилась драматически. Один из советников Рузвельта, к тому же личный враг Буллита, был гомосексуалистом, и Буллит рассказал об этом Президенту. Тот счел рассказ более аморальным, чем сам грех. Буллиту пришлось второй раз выйти в отставку. Дальнейшая его судьба тоже поразительна: бывший американский Посол в Париже, он записался майором в действующую армию Де Голля. В августе 1944 года Рузвельт вспомнил о Буллите, когда речь зашла о России. Он сказал, что Буллит был „совершенно ужасен" и что будет гореть в адском огне за свои козни; сейчас же он, Президент, не знает, что с Буллитом — убит ли тот на фронте или жив и станет французским премьер-министром.

Уильям Буллит умер своей смертью, в Париже, на 27 лет позже своего ровесника Михаила Булгакова, в том самом году, когда на разных концах земного шара одновременно вышли в свет две написанные разные книги: психоаналитическое исследование о Президенте США Т. Вудро Вильсоне и роман о Воланде, Мастере и Маргарите.